

П. В. БЕКЕДИН

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О ПРЕБЫВАНИИ ДОСТОЕВСКОГО В КУЗНЕЦКЕ

Анна Григорьевна Достоевская, ставшая первым биографом своего мужа, ведшая обширную библиографическую работу и развернувшая большую собирательскую деятельность, направленную на увековечивание его памяти, не могла не заинтересоваться и сохранившимися документами о бракосочетании Ф. М. Достоевского с М. Д. Исасвой, которое, как известно, состоялось в городе Кузнецке. В частности, ей потребовалась выписка из метрической книги Одиштриевской церкви, где проходил обряд венчания. С этой целью А. Г. Достоевская обратилась за помощью (вероятно, весной 1884 г.) к знакомому ей преподавателю Томской семинарии Александру Голубеву, которому удалось выполнить просьбу вдовы писателя. В своем письме от 15 июня 1884 г., публикуемом ниже, он с радостью сообщает ей об этом.

Для того чтобы раздобыть метрическую выписку, А. Голубев адресовал соответствующее прошение кузнецкому священнику Евгению Тюменцеву — тому самому, который когда-то венчал Достоевского и М. Д. Исасву. Письмо, полученное через некоторое время от Е. Тюменцева (текст его также приводится нами), А. Голубев отправил — в одном конверте со своим, имеющим сопроводительный характер, — А. Г. Достоевской.

Необходимо отметить, что интересное и содержательное письмо Е. Тюменцева от 30 мая 1884 г. уже попадало в поле зрения исследователей: так, к примеру, на него ссылался (не цитируя) Л. П. Гроссман, говоря о том, что посаженным отцом Достоевского был исправник И. М. Каташаев (*Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.: Л., 1935, с. 85. В дальнейшем: Гроссман*).

Указанный материал обогащает наши знания о пребывании Достоевского в Кузнецке, о личности и характере писателя, о восприятии его произведений провинциальным читателем и может служить своеобразным дополнением к публикации Л. Р. Ланского «Достоевский в изданной переписке современников (1837—

и литературы о нем. 1917—1965» — первое советское библиографическое издание о Достоевском. Книга подготовлена коллективом научных сотрудников музея, состоявшим из трех человек. Авторы-составители — В. В. Аюпджанова, Г. Ф. Коган, Г. Б. Пономарева и ленинградский библиограф С. В. Белов. Редакторы — А. С. Долинин, А. А. Белкин, В. В. Кожин. Книга явилась продолжением первого «Библиографического указателя», подготовленного А. Г. Достоевской (1846—1906), и «Материалов для библиографии Ф. М. Достоевского», составленных Н. А. Соколовым (с 1903 по 1923 г.). Ряд ценных советов и указаний сотрудники музея получили от Л. П. Гроссмана и В. Я. Кирпотина. В обсуждении проекта книги принимали участие видные библиографы Москвы. Сотрудники музея — В. Аюпджанова, Г. Коган, Г. Пономарева принимали участие и в подготовке рекомендательного указателя «Русские писатели второй половины XIX—нач. XX в. (до 1917 г.)», подготовленного Гос. библиотекой СССР им. В. И. Ленина. На основе материалов музея и при самом деятельном участии его сотрудников была подготовлена книга «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», изданная в 1972 г. под ред. В. С. Нечаевой в издательстве «Просвещение». В подготовке этой книги проявилась тесная связь музея с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького. Среди авторов этой книги Л. М. Розенблюм, Е. И. Прохоров, В. И. Этов. Деятельное участие в подготовке книги принимал и А. Ф. Достоевский, инициатор этого издания. Книга экспонировалась в 1975 г. на Международной книжной выставке в Москве «Книга-75» и получила высокое признание у читателей и особенно преподавателей средних школ как ценное пособие для изучения творчества Достоевского. Ее называют «музеем на книжной полке».

Музей Достоевского принимал участие и во Всесоюзной конференции, посвященной Ф. М. Достоевскому в 1971 г., проводимой Институтом мировой литературы им. А. М. Горького (доклад Г. Коган переведен на испанский и японский языки) и принимает участие в ежегодных научных конференциях Ленинградского литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского.

Приветствуя московский музей в день его 50-летия, Ленинградский музей Ф. М. Достоевского писал: «Один из первых советских музеев, музей Ф. М. Достоевского в Москве сделал очень много по пропаганде литературного наследия, приобщая своих многочисленных посетителей к духовному миру литературных героев Достоевского, к поискам ими высшего нравственного идеала».

Ваша научно-исследовательская и просветительская деятельность служит примером творческого поиска, преданности нашему музейному делу».

«Радует забота, с которой этот музей держится на научной высоте» — отмечали ученые разных стран.

Узнавши о смерти первого мужа³ Марии Дмитриевны, Ф. М. писал ей оттуда, прося ее согласия на замужество с ним;⁴

неделю и с А. Е. Врангелем: «... я сидел в Барнауле и в Кузнецк, с Демчинским и Семесовым (член Географического общества)»; «В Барнауле я пробыл сутки и отправился один в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле»; «... я, до масляницы, жемлюсь... Никто, кроме этой женщины, не составит моего счастья»; «... следующее письмо вы получите от меня, когда уже *всё будет кончено*» (28, кн. I, 251, 252, 253). В третий раз Достоевский направился в Кузнецк для того, чтобы обвенчаться и сыграть свадьбу с М. Д. Исаевой, и пробыл там больше двух недель (см. примеч. 6, 9).

³ Речь идет об Александре Ивановиче Исаеве, который после тяжелой и продолжительной болезни умер в Кузнецке 4 августа 1855 г. Познакомившись с ним вскоре после своего прибытия в Семипалатинск (в доме батальонного командира Белихова), Достоевский стал вхож в его дом, влюбился в его сунуругу и подружился с их маленьким сыном. Отношения между А. И. Исаевым и Достоевским всегда были нормальными. О кончине мужа Марии Дмитриевны Достоевский узнал из ее писем к нему от 14 и 23 августа 1855 г. (см.: *Гроссман*, с. 78). Сохранившиеся отзывы об А. И. Исаеве, принадлежащие людям, общавшимся с ним или слышавшим о нем от его знакомых, имеют однотипный характер. «В числе семипалатинских знакомых Ф. М. Достоевского, — пишет один из биографов писателя, — был заседатель по корчемной части — пекто Исаев. Это был неистовый алкоголик, причинявший много страданий своей жене Марье Дмитриевне. Переведенный на службу в г. Кузнецк, Томской губ., Исаев вскоре там умер» (*Герасимов В.*, свящ. Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске. — Сиб. летопись (Иркутск), 1916, № 11—12, с. 567. В дальнейшем: *Герасимов*). В воспоминаниях А. Е. Врангеля мы находим аналогичные суждения: «Мария Дмитриевна Исаева была, если не ошибаюсь, дочь директора гимназии в Астрахани и вышла там замуж за учителя Исаева. Как он попал в Сибирь — не помню. Исаев был большой чахоточный и сильно пил. Человек он был тихий и смиренный. <...> Достоевский пропал у Исаевых по целым дням, усмеленно ташил и мучил, по пессимистична мне была та среда *ради мужа ее*» (*Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—56 гг. СПб., 1912, с. 38—39. В дальнейшем: *Врангель*). Мемуарист оставил и весьма красочное описание отъезда семьи Исаевых из Семипалатинска в мае 1855 г.: «... у Исаевых оказались долги, пришлось все распродать — и двинуться в путь все же было не на что. Выручил их я, и собрались они наконец в путь-дорогу... Мы поехали с Ф. М. провожать Исаевых... и взял Достоевского в свою липейку. Исаевы вместились в открытую перекладную телегу — кушать кибитку у них не было средств. Перед отъездом они заехали ко мне, на дорожку мы выпили шампанского. Желая доставить Достоевскому возможность на прощание поговорить с Марией Дмитриевной, я еще у себя здорово накатал шампанским ее муженка. Дорогою по сибирскому обычаю повторил; тут уж он был в колпак моем распоряжении; немедленно я его забрал в свой экипаж, где он скоро и заснул, как убитый. Ф. М. пересел к М. Д. <...> Ехали, ехали... Но пришла пора и расстаться. Обнялись мои голубки, оба утирали глаза, а я перетаскивал пьяного, сонного Исаева и усаживал его в повозку... Наша тоже спал» (там же, с. 50, 51). Сведения об А. И. Исаеве весьма скудны. Достоевский считал, что первый брак наложил на характер М. Д. Исаевой особый отпечаток: «Это доброе и нежное создание, помпного быстрая, скорая, сильно впечатлительная; пропавшая жизнь ее оставила на ее душе болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности; но никогда она не перестает быть доброю и благородною. Я ее очень люблю, она меня...» (28, кн. I, 275).

⁴ Таким письмом (с посредственной просьбой Достоевского вступить с ним в брак) мы по располагаем. Вероятно, здесь имеется в виду не

согласие получено;⁵ в конце января 1857 года приезжает в Кузнецк и 6-го февраля 1857 года устраивает бракосочетание.⁶

Их брак в метрической книге Одигитриевской церкви города Кузнецка Томской епархии записан так: «1857 года 6-го февраля, № 17-й, служащий в Сибирском линейном батальоне № 7-й прапорщик Федор Михайлов Достоевский, православного вероисповедания, первым браком, 34 лет. Вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя, служащего по корчемной части, коллеж-

домешнее до нас письмо Достоевского к М. Д. Исаевой, датированное сентябрем — первой половиной декабря 1855 г. (см.: 28, кн. I, 530).

⁵ Но дело было не только в получении согласия М. Д. Исаевой, которую Достоевский страстно любил («В то время он рвался к личной жизни, его ожидал брак, в котором ему грезилось „бесконечное счастье“...» — *Врангель*, с. 80). Требовалось еще разрешение командира 7-го Сибирского линейного батальона подполковника Белихова на вступление в брак прапорщика Ф. М. Достоевского со вдовой М. Д. Исаевой. Оно было получено (за номером 167) 1 февраля 1857 г.:

«Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви священноцерковнослужителям.

Прапорщик вверенного мне батальона Достоевский сговорил за себя в законное супружество проживающую в г. Кузнецке жену умершего заседателя по корчемной части коллежского секретаря Александра Исаева, Марию Дмитриевну, имеющую от роду 29 лет; почему искорнейше прошу священноцерковнослужителей, ежели со стороны невесты не будет препятствий, то г. Достоевского свенчать, от роду он имеет 34 года, холост, как он, так и невеста вероисповедания православного. Г. Достоевский у исповеди и св. причастия ежегодно бывал, при чем прилагаю поповску невесты и свидетельство о смерти мужа ее, по свенчаньи же не оставяя меня уведомить. Подполковник Г. Белихов» (*Герасимов*, с. 568; ср.: *Гроссман*, с. 83—84).

Этому разрешению предшествовали события, которые несколько облегчили жизнь Достоевского, улучшили его положение и приблизили столь желанный для него день свадьбы с М. Д. Исаевой: сперва (20 ноября 1855 г.) Достоевский был произведен в унтер-офицеры, затем (1 октября 1856 г.) вышел приказ о производстве его за отличие по службе в прапорщика. В письме к А. Е. Врангелю от 9 декабря 1856 г. Достоевский признавался: «... она по-прежнему *всё* в моей жизни. Я бросил всё, я ни об чем не думаю, кроме как об ней. Производство в офицеры если обрадовало меня, так именно потому, что, может быть, удастся поскорее увидеть ее. Денег не было, и я еще не поехал. <...> Отец обещал отпустить дней на 15» (28, кн. I, 242).

⁶ Переписка Достоевского той поры позволяет уточнить время его выезда из Семипалатинска в Кузнецк для венчания с М. Д. Исаевой. Приблизительно за месяц до своей поездки он писал А. Е. Врангелю: «Если Ковригин даст денег, я постараюсь выехать между 20-м и 25-м января и дней через 20 возвращусь в Семипалатинск уже с женой» (28, кн. I, 253). В письме к тому же адресату от 25 января 1857 г. Достоевский был предельно конкретен: «Только 3 дня тому, как я получил деньги, и в воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней. Не знаю, успею ли в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу. Она может быть больна, она может быть не готова или неапримьер, не станут венчать в такой короткий срок (ибо шуло много обрядов) — одним словом, я рискую донельзя, но никак не могу не рисковать...» (28, кн. I, 266). Итак, Достоевский выехал в Кузнецк 27 января 1857 г.

ского секретаря, Александра Исаева, православного вероисповедания, вторым браком, 29 лет». ⁷

Брак их совершен мною. ⁸

⁷ Ср. с текстом заметки, опубликованной в 1892 г.: «В метрической книге Одигитриевской церкви, города Кузнецка, Томской губернии, записано под № 17-м шестого февраля 1857 года (пятидесят седьмого года): „Повенчаны: служащий в Сибирском линейном батальоне № 7-й, прапорщик Федор Михайлов Достоевский, православного вероисповедания, первым браком, 34 лет. Невеста его: вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, вторым браком. Подлинную метрическую запись подписали: священник Евгений Тюменцев, диакон Петр Лашков, дьячок Петр Углицкий и пономарь Иван Слободский“.

Верно, свидетельствую священник Евгений Тюменцев» (Ф. М. Достоевский. 1857 г. Сообщ. В. И. Семевский. — Рус. старина, 1892, т. LXXIII, март, с. 696; см. также в сокращенном виде: *Гроссман*, с. 85).

⁸ В архиве Кузнецкой Одигитриевской церкви сохранились следующие документы об этом браке: 1) разрешение командира 7 Сибирского линейного батальона, — где Ф. М. Достоевский служил рядовым, унтер-офицером и прапорщиком, — подполковника Беликова, от 1 февраля 1857 г. за № 167, на вступление в брак прапорщика Достоевского с вдовой Исаевой; и 2) брачный обыск, от 6 февраля 1857 г. за № 17, произведенный причтом Кузнецкой Одигитриевской церкви.

Эти документы, с разрешения епархиального начальства, Семипалатинским Подотделом Западно-Сибирского Отдела И. Р. Г. О. недавно извлечены в копиях из архива Кузнецкой церкви и хранятся в музее Подотдела. Ввиду того, что эти документы до сих пор нигде не были опубликованы, печатаем их на страницах „Сибирской Летописи“ (*Герасимов*, с. 567). Итак, 6 февраля 1857 г. был произведен «обыск брачный» Одигитриевской церкви в Кузнецке о вступлении в брак Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой и состоялось их венчание:

«Обыск брачный № 17.

1857 года февраля 6-го дня. По указу его императорского величества города Кузнецка Одигитриевской церкви священнослужители производили обыск о желающих вступить в брак и оказалось следующее.

1) Жених. Служащий в Сибирском линейном батальоне № 7 прапорщик Федор Михайлович Достоевский, православного вероисповедания, жительствует в городе Семипалатинске в приходе Богородской церкви.

2) Невеста Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя, служащего по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, жительствовала доныне в городе Кузнецке в приходе сей Одигитриевской церкви.

3) Возраст к супружеству имеет совершенный, и именно жених тридцати четырех лет, невеста двадцати девяти лет, и оба находятся в здравом уме.

4) Родства между ними духовного или плотского и свойства, возбраняющего по установлению св. церкви брак, никакого нет.

5) Жених холост, а невеста вдова после первого брака.

6) К бракосочетанию приступают они по своему взаимному согласию и желанию, а не по принуждению, как жених так и невеста родителей в живых не имеют.

7) По троекратному оглашению, сделанному в означенной церкви, препятствий к сему браку никакого никак не объявлено.

8) Для удостоверения беспрепятственности сего брака предоставляются письменные документы: дозволение жениху от командира Сибирского линейного батальона № 7 от 1 февраля сего года за № 167-м.

Через неделю, после венчания, ⁹ уехали они в Семипалатинск,

9) Посему бракосочетание означенных лиц предположено совершить в вышеупомянутой Одигитриевской церкви сего месяца февраля 6-го дня в законное время, при посторонних свидетелях.

10) Что все показано здесь о женихе и невесте справедливо, в том удостоверяют своею подписью, как они сами, так и по каждому поручателю, с тем, что если что окажется ложным, то подписавшиеся повинны за то суду по правилам церкви и по законам гражданским. Жених, служащий в Сибирском линейном № 7 батальоне, прапорщик Федор Михайлович Достоевский. Невеста вдова коллежская секретарша Мария Дмитриевна Исаева. Поручатель по невесте коллежский ассессор Иван Миронов Катанаев. Поручатель по женихе чиновник таможенного ведомства Петр Сапожников. Поручатель по женихе чиновник Кузнецкого училища учитель Николай Вергунов. По невесте поручатель волости Нелюбинской государственный крестьянин Михаил Дмитриевич Демитрев-же. Обыск производили сей же церкви священник Евгений Тюменцев, диакон Петр Лашков, дьячок Петр Углицкий, пономарь Иван Слободский» (там же, с. 568—569; см. также с петчопостями: *Гроссман*, с. 84).

О «поручателе по женихе» Н. Б. Вергунове автор публикации «Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске» дополнительно сообщает следующее: «Поручатель по женихе — Вергунов состоял учителем Кузнецкого уездного училища. Он часто бывал в семье Исаевых, где занимался с их детьми, а Мария Дмитриевна учила его французскому языку. Общество Вергунова было приятно для Исаевой. В письмах ее к Ф. М. Достоевскому в Семипалатинск все чаще и чаще стала поминаться фамилия Вергунова. Это обстоятельство внесло большую тревогу в жизнь Достоевского. Наконец, Федор Михайлович выехал в Кузнецк и все тревоги кончились браком его с Исаевой. Вергунов потом приезжал в Семипалатинск, но Достоевский отнесся подозрительно к его приезду...» (*Герасимов*, с. 567—568). Письмо Достоевского к А. Е. Врангелю от 21 декабря 1956 г. свидетельствует о том, что писатель еще до свадьбы намисил свое отношение к Н. Б. Вергунову («Теперь он мне дороже брата родного» — 28, кн. I, 254) и что он даже хлопотал за него.

⁹ Ср. со свидетельствами А. Е. Врангеля: «6-го февраля 1857 года, наконец, в Кузнецке состоялась свадьба Достоевского с Исаевой. Он возвратился в Семипалатинск сейчас после свадьбы» (*Врангель*, с. 195; курсив наш. — Л. В.). Необходимо иметь в виду, что Е. Тюменцев воскрешает в своей памяти события почти тридцатилетней давности. Поэтому какие-то временные смещения, «укорачивания» были бы вполне простительны ему, однако он весьма точен в определении сроков и дат. В Кузнецке, куда он выехал 27 января 1857 г., Достоевский пробыл больше двух недель. Сперва он надеялся управиться со свадебными делами несколько быстрее, о чем свидетельствует его письмо к А. Е. Врангелю, написанное за два дня до отъезда к М. Д. Исаевой: «Писать я Вам буду очень скоро, именно 10-го февраля, а если удастся, то даже и раньше, 3-го февраля. <...> Много что через 2 недели буду отвечать Вам на всё *подробно* и ничего не *скрываю*» (28, кн. I, 266, 267). Но возвращение в Семипалатинск немного затянулось: из Кузнецка Достоевские смогли выехать только в середине февраля. В письме к В. М. Каречиной от 23 февраля 1857 г. Достоевский сообщал: «... я ездил к Кузнецку на 15 дней, женился (6-го февраля), привез обратно жену...». И далее: «... приехал домой в Семипалатинск 20-го числа февраля...» (28, кн. I, 268). Задержка в пути произошла по причине болезни Достоевского, о чем он подробно сообщил А. Е. Врангелю и М. М. Достоевскому в письмах от 9 марта 1857 г.: «Вот уже две недели с лишком, как я дома, дорогой мой друг и брат Александр Егорович... (в письме к брату сказано: «Вот уже две недели...» — 28, кн. I, 274. — Л. В.). Если б Вы знали, сколько выдалось мне хлопот, суеты и занятий, самых непредвиденных, при новом порядке вещей... Во-1-х, свадьба моя, которая совершилась в Кузнецке (6 февраля), и обратный путь до Семи-

а отсюда в СПбург;¹⁰ откуда я получил от них два письма,¹¹ на которые и я отвечал;¹² по тут ничего не было серьезного.¹³

В Кузнецке были им знакомы только две семьи¹⁴ — нашего бывшего исправника Ивана Мироновича Катанаева, который

палатинска взяли гораздо более времени, чем я рассчитывал. В Барнауле со мной случился припадок, и я лишник 4 дня прожил в этом месте» (28, кн. I, 289—270). Таким образом, в Семипалатинске Достоевский отсутствовал с 27 января по 20 февраля 1857 г. Из Кузнецка он выехал вместе с женой и сыном около 15 февраля.

¹⁰ События развивались не так быстро, как говорится о них в письме Е. Тюменцева. Семипалатинск Достоевские покинули 2 июля 1859 г., заехали в Омск, пробыли там трое или четверо суток, забрали из корпуса П. А. Исаева и направились — через Тюмень (остановка на два дня), Пермь, Екатеринбург, Казань (задержка дней на десять), Нижний Новгород, Владимир, Сергиев монастырь — в Тверь, куда прибыли около 19 августа и где провели почти полгода (см.: *Гроссман*, с. 92). «Не легко жилось Достоевскому в это время в Твери, — пишет А. Е. Врангель. — Материальные заботы, сынок Паша не мало доставляли ему хлопот, а Мария Дмитриевна вечно хворала, капризничала и реповала» (*Врангель*, с. 201). И далее: «Не мало удручала его в это время и тревога о своем сынке, Паше Исаеве; ... куда-куда он ни обращался, к кому-кому ни метался с просьбами и наконец решился обеспокоить своим ходатайством самого государя» (там же, с. 202—203). 13 декабря 1859 г. они оставили Тверь; после заезда в Москву Достоевский приехал — после 16 декабря 1859 г. — в Петербург. В своих воспоминаниях А. В. Врангель, касаясь возвращения писателя в столицу, допустил несколько неточностей: «... в январе 1860 года Достоевский получил разрешение поселиться в Петербурге (такое разрешение было получено еще в Семипалатинске — 25 ноября 1859 г. — *И. Б.*). Он не замедлил переехать сюда, но один; жену устроил в Москве, так как климат петербургский был вреден для ее слабых легких» (там же, с. 203).

¹¹ «Два письма», о которых сообщает Е. Тюменцев, остаются неизвестными. Вероятно, они сгорели во время пожара 9 мая 1884 г., упоминание о котором содержится в самом начале письма кузнецкого священника. Скорее всего, письма эти были написаны самим Достоевским (или «в две руки» — с припиской М. Д. Исаевой, факты такого рода нередко имели место; см., например, приписку Марии Дмитриевны, адресованную своей сестре В. Д. Константе, па письме Ф. М. Достоевского к своему тестю, Д. С. Константу, от 20 апреля 1857 г. из Семипалатинска: Из переписки Достоевского. Сообщ. В. Модзалевский. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы, [сб. 1]. Под ред. А. С. Долнина. Пг., 1922, с. 383). Как о необычном факте Достоевский писал брату 9 марта 1857 г.: «Жена даже не приписывает тебе» (28, кн. I, 277).

¹² Ответные письма Е. Тюменцева нам, к сожалению, неизвестны, да и вряд ли они сохранились.

¹³ Можно предположить, что содержание писем, в которых, по словам их адресата, не было ничего серьезного, сводилось к поздравлению с каким-нибудь очередным праздником и к благодарности за обряд венчания.

¹⁴ «В Кузнецке, — признавался сам писатель, — я почти никого не знал. Но там она сама (М. Д. Исаева. — *И. Б.*) меня познакомила с теми, кто получше и которые все ее уважали» (28, кн. I, 274). Необходимо заметить, что Достоевский не стремился к расширению круга знакомых, оставался верен старым друзьям и не рвался в свет: «Никогда... Ф. М. не проявлял ни малейшего заискивания, лести, желания проникнуть в общество и в то же время был в высшей степени сдержан и скромно, как бы не создавая всех выдающихся своих достоинств. Благодаря своему такту, он... пользовался всеобщим уважением» (*Врангель*, с. 63).

был у них и посаженным отцом.¹⁵ Свадьбу праздновали просто, но оживленно.¹⁶ Ф. М. бывал у нас в доме раз десятков, пивали чай, кофе и русскую... но в самом умеренном виде;¹⁷ беседы его, хоть и непродолжительные, были самые откровенные, задушевные; говорил неумолкаемо, плавно, основательно; о каждом предмете или расскажет, или расспросит до мельчайших подробностей; наблюдательность его во всем высказывалась в высшей степени.¹⁸

¹⁵ «Поручитель по невесте Катанаев был Кузнецкий окружный исправник М. Д. Исаева в доме Катанаевых была своим человеком» (*Герасимов*, с. 567). В письме к брату от 9 марта 1853 г. Достоевский сообщал: «Посаженым отцом был у меня тамошний исправник с исправницей, шаферами тоже порядочные довольно люди, простые и добрые, и если включить священника да еще два семейства ее знакомых, то вот и все гости на ее свадьбе» (28, кн. I, 274—275).

¹⁶ Свадьба Достоевских была малолюдной, сравнительно скромной и простой. Малолюдной потому, что среди гостей оказались только близкие знакомые М. Д. Исаевой, которая проживала в Кузнецке меньше двух лет. Сравнительно скромной и простой потому, что Достоевского преследовало безденежье. О своих предсвадебных и послесвадебных хлопотах и проблемах он подробно рассказывал в письмах к А. Е. Врангелю (от 25 января и 9 марта 1857 г.) и к брату Михаилу от 9 марта того же года: «Да, друг мой позабывший, судьба моя приходит к концу. Я Вам писал последний раз, что Макрья Дмитриевна согласилась быть моею женою. Все это время я был в ужаснейших хлопотах, как не потеряю голову. Надо было устроить возможность свадьбы. Надо было занять денег. Я крепко надеюсь, что мне в этом же году что-нибудь позволит напечатать и тогда я отдам. В ожиданье же надо было занять во что бы ни стало. <...> Тысячи хлопот в виду. Уж одно то, что из 600 руб. у меня почти ничего не останется по возвращении в Семипалатинск: так много и так дорого всё это стоит! А между тем я едва мог купить несколько стульев для мебели — так все бедно. Обмундировка, долги, плата и необходимые обряды и 1500 верст езды, наконец, всё, что мог стоить ее подъем с места, — вот куда ушли все деньги; «Для женитьбы мне помогли здесь Ковригин, Хоментовский. Возвратясь в Семипалатинск, я получил письмо и деньги от дяди из Москвы, у которого я просил. Все обошлось мне в 700 руб. серебром; дядя прислал 600; долгов я отдал только часть...» (28, кн. I, 266, 273); «... истратил ровно 700 руб. серебром» в общем и окончательном итоге. <...> Сборы в дорогу, экипировка моя и ее (ибо у ней было насчет всего необходимого не очень богато) — но самая необходимая экипировка, можно сказать бедная, путешествие в 1500 верст, в закрытом экипаже (она слабого здоровья, — морозы и дурные дороги — никак нельзя) — где я платил круглым счетом за четыре лошади, свадьба в Кузнецке, хотя и самая скромная, наем квартиры, обзаведенье, хоть какая-нибудь мебель, посуда в доме и на кухне — все это взяло столько, что и понять нельзя» (28, кн. I, 274).

¹⁷ Ср. с воспоминаниями А. Е. Врангеля: «Мы оба в карты не играли, вином не увивались, кроме обычной рюмки перед обедом или ужином. Только раз видел я Ф. М. навеселе, и то, так сказать, по службе» (*Врангель*, с. 29).

¹⁸ «Манера его речи была очень своеобразная, — отмечал А. Е. Врангель. — Вообще он говорил негромко, зачастую начинал чуть не шепотом, но чем больше он одушевлялся, тем голос его подымался звучнее и звучнее, а в минуты особого волнения он, говоря, как-то захлебывался и приковывал внимание своего слушателя страстностью речи» (*Врангель*, с. 52). На несколько необычную манеру Достоевского говорить, вести спор, которая оставалась у него в сущности неизменной, обращали внимание все, кто писал о своих встречах с ним. В своих воспоминаниях, рассказываю-

В то время литературная деятельность Ф. М. только еще начиналась,¹⁹ и я в это время был знаком только с его «Бедными людьми», затем вскоре (?) с «Записками из Мертвого дома».²⁰ Прочие его произведения в Куз. училищ. библиотеке были почти все и нашей интеллигенцией читались с большой охотой. Богощих о двух последних годах жизни писателя, В. Микулич (Л. И. Веселитская) подчеркивала: «Если ему не нравилось какое-нибудь высказанное мнение, он прямо и довольно резко заявлял об этом, по что-то не помню, чтоб ему возражали. <...> Говорил он очень хорошо, красноречиво и убежденно. Он громил католичество и панство, громил гнилой запад с его культурой и жизнью, в которой все подкисло, распатано и не сегодня-завтра рухнет и исчезнет, а на смену этой жизни явится нечто новое, еще небывалое и неслыханное, ни на что прежнее непохожее» (Микулич В. Встреча со знаменитостью. М., 1903, с. 9—10).

¹⁹ К началу 1857 г. т. е. ко времени, о котором рассказывается в письме Е. Тюменцева, Достоевский был автором уже целого ряда произведений, вызвавших интерес и читателей, и критиков: романа «Бедные люди», повестей «Двойник», «Господин Прохарчин» (1846), «Хозяйка», рассказа «Роман в девяти письмах», цикла фельетонов «Петербургская летопись» (1847), повестей «Слабое сердце», «Белые ночи», рассказов «Ползунков», «Чужая жена и муж под кроватью», «Честный вор», «Елка и свадьба» (1848), незавершенного романа «Негодка Незванова» (1849) (см. подробнее об этом: *Нечасова В. С. Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979*). 23 апреля 1849 г. молодой писатель был арестован по делу петрашевцев, приговорен к расстрелу, замененному затем лишением всех дворянских прав, четырехлетней каторгой и последующей солдатской службой. Право печататься было получено им лишь в 1857 г. (17 апреля был выдан высочайший указ правительствующему сенату о возвращении Достоевскому прежних прав, см.: *Гроссман, с. 86*).

²⁰ Печатание «Записок из Мертвого дома», которые, по признанию самого Достоевского, произвели в обществе настоящий фурор и возобновили литературную репутацию их автора, началось в 1860 и закончилось в 1862 г. Однако работа над этой книгой, ставшей одной из крупнейших литературно-общественных событий начала 60-х годов, велась — правда, урывками — еще в сибирский период, о чем свидетельствуют многие материалы, в том числе и неоднократно цитированные уже воспоминания барона А. Е. Врангеля, который называл «Записки из Мертвого дома» «бесподобным произведением». Описывая переживания Достоевского сразу после разлуки с М. Д. Исаевой, А. Е. Врангель, между прочим, сетовал на то, что угнетенное состояние писателя отрицательно отразилось на работе над новым сочинением: «С Кузнецком началась усиленная переписка, которая, однако, не всегда радовала Ф. М. Он чувствовал что-то недоброе. К тому же в письмах были вечные жалобы на лишения, на свою болезнь, на неизлечимую болезнь мужа, на безобразное будущее, — все это не могло не угнетать Ф. М. Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень. Он даже бросил свои „Записки из Мертвого дома“, над которыми работал так недавно с таким увлечением» (Врангель, с. 70, 52). И еще: «Потекла наша жизнь по-старому: Ф. М. хандрил или порывисто работал...»; «Вести из Кузнецка приходили неутешительные»; теперь Ф. М. бросил уж и к гадалкам ходить, хандрил, скучал, как-то не работало ему, не знал, как убить время» (там же, с. 66, 81). Судя по всему, в Семипалатинске были сделаны первоначальные наброски, отдельные сцены, картины «Записок из Мертвого дома», замысел которых возник еще на каторге (см. об этом: 4, 275—276). Не исключено, что, бывая в доме Е. Тюменцева, И. М. Катаасова, Достоевский, когда заходила речь о продолжении его литературной деятельности, делился своими творческими планами и что-нибудь говорил о «Записках из Мертвого дома», которые были прочтаны кузнецким священником вскоре после их появления в печати.

служение в воскресные и праздничные дни Ф. М. посещал всякий раз.²¹

Вот и все, что мог сказать Вам достоверного о Федоре Михайловиче!

У Марии Дмитриевны был сынок Паша, лет девяти;²² об нем, кажется, упоминалось при похоронах Ф. Мих., между прочими детьми Анны Гавриловны.²³ Этот Паша, помню, — отличный резвушка, способный;²⁴ его какова судьба?²⁵

Вероятно, Вы будете писать Анне Гавриловне, — потрудитесь засвидетельствовать ей от меня глубочайшее почтение, благожелание и благословение вместе со всеми ее детьми.²⁶

²¹ «О религии с Достоевским мы мало беседовали, — читаем в воспоминаниях А. Е. Врангеля. — Он был скорее публичен, по в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом» (Врангель, с. 52). Делился мыслями об авторе «Бедных людей», мемуарист в одном из писем к своим родным писал: «Он человек набожный, болезненный, но воли железной» (там же, с. 34). Характерно, однако, что в глазах многих людей Достоевский оставался революционером: «Сам губернатор... предостерег меня, опасаясь, ввиду моей молодости, влияния на меня Достоевского, как революционера» (там же, с. 25).

²² Е. Тюменцев весьма точен. Пасынок Достоевского Павел Александрович Исаев («Паша») родился в 1848 г., ко времени описываемых событий ему действительно было около девяти лет.

²³ Здесь и далее автор письма ошибочно называет Анну Григорьевну Достоевскую Анной Гавриловной.

²⁴ Именно на эти черты, свойственные П. А. Исаеву не только в детские годы, но и позднее (он умер в 1900 г.), указывают многие мемуаристы. Так, например, рассказывая о службе Достоевского в Семипалатинске, А. Е. Врангель замечал: «...особенно часто он навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам и согласился давать уроки их единственному ребенку — Паше, шестилетнему мальчику восьмью-девяти лет» (Врангель, с. 38).

²⁵ П. А. Исаев — пасынок Достоевского. Отношения между А. Г. Достоевской и П. А. Исаевым сложились не самым лучшим образом. И причина этого заключалась не только в некоторых особенностях характера пасынка. Быть может, в большей степени виновата была она сама: ее не оставило в покое то, что было связано с первым браком Достоевского. Кроме того, А. Г. Достоевская оберегала своего мужа от всего, что могло отвлечь его от работы. В мемуарном очерке З. С. Ковригиной «Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской» читаем: «С большим раздражением вспоминала А. Г. как некоторые родственники и друзья Ф. М. пользуясь его добротой и доверчивостью, „выуживали“ у него буквально последнее. Особенно не стеснялся в этом отношении пасынок Ф. М. — „Паша“. Ф. М. создал себе образ Пашки, совершенно не соответствовавший действительности. Никогда, ни в чем не мог отказать ему и бывал очень поддоволен, когда А. Г. отказывала, ссылаясь на неимение денег. А. Г. пыталась иногда обрисовать Пашку таким, каким он был на самом деле, но ничего не могла сделать: Ф. М. особенно ревниво относился к своему пасынку. Такое отношение совмещалось с тем, что Достоевский, по словам А. Г., не скрывал, что у него не было большой любви к своей первой жене. Иногда приходилось прибегать к хитрости, чтобы не допускать Пашку к Ф. М., и давать ему денег самой, чуть ли не вымаливая оставить что-нибудь для семьи, так как Ф. М. распорядился бы отдать последнее» (в кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы, сб. 2-й. Под ред. А. С. Долинина. Л.: М., 1924 (на обл.: Л., 1925), с. 585).

²⁶ А. Голубев в своем письме попросил А. Г. Достоевскую «поблагодарить священника Тюменцева или письмом, или высылкою какого-либо

Примите и Вы от меня искреннее почтение и благожелание, готового к услугам Вашим, протоиерея Евгения — Тюменцева.
30-го мая 1884 года.
г. Кузнецк — Том. губ.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО В «ОБЩЕСТВЕ ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ» (1859—1866)

Деятельность Достоевского в Литературном фонде¹ совпала с самой плодотворной полосой во всей истории его существования. Писатель был принят в члены Общества 20 декабря 1859 г.² и состоял в его рядах до последних дней жизни. Активным же деятелем Общества он был до 2 февраля 1866 г., т. е. до выхода из членов Комитета.

Основной целью Общества было приходить на помощь попавшим в затруднительное положение литераторам и ученым. Комитет мог назначать им пенсии, выдавать единовременные пособия, устраивать за свой счет больных в больницы, престарелых в богадельни, доучивать сирот умерших писателей и ученых, иногда помогать беллетристам и начинающим ученым публиковать их сочинения. И все это из сумм, составлявшихся путем пожертвований, добровольных отчислений и доходов от организуемых Комитетом спектаклей и литературных чтений. Уже сама эта цель была как нельзя более близка Достоевскому, человеку «беспредельной доброты». «Он проявлял ее, — вспоминала позднее А. Г. Достоевская — в отношении не одних лишь близких ему лиц, но и всех, о несчастии, неудаче или беде которых ему приходилось слышать. Его не надо было просить, он сам шел со своею помощью <...>. Скольких стариков и старух поместил он в богадельни, скольких детей устроил он в приюты, скольких неудачников определил на места».³ Эти слова жезлы писателя, относящиеся ко всей его жизни, являются как бы программой той деятельности, которую Достоевский проводил в течение шести первых лет своего пребывания в Обществе. «Вы почти единственный русский писатель, — признавался литератор М. А. Загуляев, хлопотами Достоевского получивший безотлагательную помощь, — который остается в жизни тем же человеком, как и в своих произведениях».⁴

тома сочинений Федора Михайловича» и переслал ей его ответ на истребованный ее вопрос.

¹ Так чаще всего в литературном быту именовалось Общество по образцу его английского прототипа «Literary Fund».

² Общество начало функционировать с 8 ноября этого же года.

³ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971, с. 400.

⁴ Рус. лит., 1975, № 3, с. 167.

* * *

Начало изучению участия Достоевского в делах «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» было положено Р. Б. Заборовой в публикации «Ф. М. Достоевский и Литературный фонд»,⁵ основанной на материалах фонда, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В работе впервые были кратко охарактеризованы различные виды деятельности писателя в 1862—1864 гг.: хлопоты о предоставлении пособий разным лицам; роль его в деле дальнейшей активизации деятельности Общества «в виду прошедших политических арестов» (1862); представлена информация об отдельных заседаниях Комитета с характеристиками ряда просителей, которыми «занимался» Достоевский; опубликовано несколько документов, написанных Достоевским, приведены сведения об отдельных выступлениях писателя в пользу Литературного фонда.

Цель настоящей работы — выявить в хронологической последовательности все виды и формы участия Достоевского в делах Общества, будь то факты посещения им заседаний Комитета, даты участия его в спектаклях и чтениях в пользу Общества, материалы, связанные с его хлопотами о помощи разным лицам, обращения в Комитет с просьбами о ссудах для себя и, наконец, выявление полного круга лиц, с которыми Достоевский был связан совместной деятельностью в Комитете, в самом Обществе, а также в литературных чтениях (так обнаружатся и неизвестные доселе факты личных знакомств и уточнятся даты и время общения писателя с такими, например, лицами, как поэт В. Г. Бенедиктов, попечитель С.-Петербургского учебного округа кн. Г. А. Шербатов, известный экономист А. П. Заблоцкий-Десятовский и др.).

30 ноября 1858 г. на 4-м заседании Комитета были предложены в члены Общества «от К. Д. Кавелина: Владимир Дмитриевич Яковлев,⁶ Михаил Михайлович Достоевский <...> от А. А. Краевского — Федор Михайлович Достоевский,⁷ Александр Петрович Милоков». Среди подписавших протокол заседания, а следовательно, среди проголосовавших за Достоевского, кроме рекомендателей Кавелина и Краевского были бессменный председатель Общества и Комитета, горный инженер, путешественник и дипломат, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевский, отныне постоянно об-

⁵ Там же, с. 158—170.

⁶ Писатель В. Д. Яковлев (1817—1884) был вместе с братьями Достоевскими постоянным посетителем кружка А. П. Милокова (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964, т. 1, с. 270).

⁷ Факт введения Достоевского в Общество именно А. А. Краевским заслуживает внимания; очевидно, «острое чувство неприязни» писателя к нему, «почти ненависти» (см.: *Виноградов В. В.* Достоевский и А. А. Краевский. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 21) проявилось несколько позднее — к 1864 г.